

Козлов Александр Петрович

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСКОМ ДОКОЛХОЗНОМ АУЛЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ.**

В статье рассматриваются социально-экономические преобразования, осуществленные в казахском ауле во второй половине 1920-х гг., и их влияние на трансформацию традиционного уклада казахов. Особое внимание уделяется анализу причин, обусловивших реформы. По мнению автора, реформы, основной целью которых был уравнительный передел сенокосов и пастбищ в ауле и конфискация крупных байских хозяйств, не были заранее спланированной акцией Советской власти, а стали логическим продолжением землеустроительной политики республиканского руководства, направленной на перераспределение земельного фонда в пользу коренного населения республики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 118-122. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

3. **Коба Д. В.** Становление и развитие советско-японского сотрудничества в сфере культуры на Дальнем Востоке в 1950-1960-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21). Ч. 1. С. 90-93.
4. **Лаврова Т.** Арт-хроника // Словесница искусств. 2003. № 11.
5. **О Японском фонде** [Электронный ресурс]. URL: <http://jpfmw.ru/ru/about/o-fonde.html> (дата обращения: 25.09.2012).
6. **Об особенностях российско-японских экономических отношений на пороге саммита АТЭС-2012 во Владивостоке** // Россия в АТР. 2012. № 2 (23). С. 42-47.
7. **Общество российско-китайской дружбы** [Электронный ресурс]. URL: <http://orkd.ifes-ras.ru> (дата обращения: 22.09.2012).
8. **Перепады в корейской политике России в 1990-е годы** [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_70/view_13120 (дата обращения: 25.09.2012).
9. **Серафимович Г.** Российско-японские культурные связи как элемент народной дипломатии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atrinfo.ru/commentary/tourism.html> (дата обращения: 20.09.2012).
10. **Сергиев А.** Интересы России в Северо-Восточной Азии [Электронный ресурс]. URL: http://www.rau.su/observer/N14_94/002.htm (дата обращения: 20.09.2012).
11. **Совместное заявление о взаимодействии Японии и Российской Федерации в международных делах** // Япония: бюллетень. 2000. № 36.
12. **Современные художники России.** Харбин: Хэйлунцзянское художественное издательство, 2010. 243 с.
13. **Соглашение между Правительством Японии и Правительством Российской Федерации о культурных связях** // Япония: бюллетень. 2000. № 36.
14. **Справка о сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в области образования** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/news/events/kitai/cpravka/> (дата обращения: 23.09.2012).

DEVELOPMENT OF RUSSIA AND NORTH-EAST ASIA COUNTRIES COLLABORATION IN HUMANITARIAN SPHERE AT THE END OF THE XXTH – THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Dar'ya Valer'evna Kiba, Ph. D. in History
Department "History and Archival Studies"
Komsomol'sk-on-Amur State Technical University
darya.kiba.80@mail.ru

The author describes the development of the collaboration between Russia and North-East Asia countries in humanitarian sphere at the end of the XXth – the beginning of the XXIst century, reveals the contractual-legal framework of humanitarian interaction, providing cooperation in the sphere of culture, education, science and health care service, considers the degree of collaboration intensity with The People's Republic of China, Japan, The Republic of Korea, The Democratic People's Republic of Korea, and determines the role of humanitarian connections in the process of the cooperation between Russia and North-East Asia countries.

Key words and phrases: Asia-Pacific region; North-East Asia; Russia-China Friendship Association; Russian-Chinese Commission on Humanitarian Collaboration; Japanese-Russian Commission on Cultural Relations; Japan Foundation.

УДК 94(47)+338

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются социально-экономические преобразования, осуществленные в казахском ауле во второй половине 1920-х гг., и их влияние на трансформацию традиционного уклада казахов. Особое внимание уделяется анализу причин, обусловивших реформы. По мнению автора, реформы, основной целью которых был уравнительный передел сенокосов и пастбищ в ауле и конфискация крупных байских хозяйств, не были заранее спланированной акцией Советской власти, а стали логическим продолжением землеустроительной политики республиканского руководства, направленной на перераспределение земельного фонда в пользу коренного населения республики.

Ключевые слова и фразы: аграрная политика; аул; бай; кочевое скотоводство; традиционное хозяйство.

Александр Петрович Козлов, к.и.н., доцент
Кафедра истории и политологии
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
petrovich138@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСКОМ ДОКОЛХОЗНОМ АУЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГГ. ©

Вопрос об аграрных преобразованиях, проведенных в казахском ауле во второй половине 1920-х гг., и их влияние на трансформацию традиционного хозяйства казахов привлекал внимание исследователей разных поколений. Анализ историографического материала обнаруживает весьма любопытную динамику в оценке этих реформ. В советской историографии вплоть до середины 1980-х гг. преобразования, осуществленные советской

властью в казахском доколхозном ауле, имели положительную оценку. Предметом оживленных дискуссий являлся лишь вопрос о характере социально-экономических преобразований, осуществленных в ауле. Данная проблема стала одной из главных на сессии историков Казахстана и Средней Азии, проходившей в 1957 г. в Алма-Ате, на сессии Научного Совета по истории социалистического и коммунистического строительства в СССР в 1969 г. в Москве [12; 13], получила широкое освещение в научной печати [4]. Одна группа исследователей придерживалась мнения, что социально-экономические преобразования, проводившиеся в рассматриваемый период в ауле, носили социалистический характер [3, с. 217; 13, с. 352-353, 359-360], другая - напротив, оценивала их как преобразования революционно-демократические [12, с. 375-380, 389-391].

В перестроечное время была поставлена под сомнение сама необходимость проведения реформ в казахском ауле во второй половине 1920-х гг., а их результаты стали оцениваться крайне отрицательно. Данная тенденция еще более возобладала после обретения Казахстаном независимости. Суверенизация Казахстана привела к попыткам пересмотра истории, которые не всегда являются объективными. К сожалению, все более распространенной тенденцией в исторической литературе Казахстана является упрощение многогранного исторического процесса, определенная мистификация и субъективизация исторического прошлого. Многие, действительно сложные вопросы давней и недавней истории отдельными казахстанскими исследователями объясняются довольно прямолинейно – русификаторской политикой, которая якобы была начата царизмом, а затем, в более завуалированной форме, продолжена в советский период [1; 18; 19; 21].

Подобная односторонность прослеживается и в оценке казахстанской историографией социально-экономических преобразований, осуществленных в казахском ауле во второй половине 1920-х гг., которые рассматриваются как целенаправленная, заранее спланированная акция центральных властей, направленная против коренного населения Казахстана [6-8]. С подобной трактовкой трудно согласиться. На наш взгляд, ситуация была совершенно иной. Социально-экономические реформы, осуществленные в казахском ауле во второй половине 1920-х гг., явились логическим продолжением землеустроительной политики в Казахстане первой половины 1920-х гг., основным содержанием которой было перераспределение земельного фонда в пользу коренного населения республики [9, с. 116-119]. К середине 1920-х гг. землеустроительная политика республиканских властей, основывающаяся на первоочередности землеустройства по национальному принципу, откровенно зашла в тупик, привела к обострению межнациональных отношений.

Ситуация усугублялась тем, что землеустроительные работы в Казахстане проводились в тесной связи с политикой «коренизации» партийного и государственного аппаратов республики. Окрепшее к середине 1920-х гг. национальное руководство стало предлагать самые радикальные варианты исправления последствий колониальной политики царизма, вплоть до выселения «излишнего» некоренного населения с территории Казахстана [14, д. 184, л. 49].

В результате складывавшейся десятилетиями культуре сельскохозяйственного производства переселенческой деревни и казачьей станицы, функционировавшей на основе устоявшихся земельных отношений, был нанесен непоправимый урон. В ряде мест (например, Акмолинская и Семипалатинская губернии) произошли серьезные столкновения между казахами и крестьянами-переселенцами. Жители станиц и деревень требовали прекращения национальной дискриминации, отмены очередности в проведении землеустроительных работ. В деревне и станице стали распространенными призывы к отделению уездов с преобладающим переселенческим и казачьим населением от Казахстана и присоединению их к Сибири [15, д. 187, л. 7-12; 20, д. 623, л. 35-36].

Попытка закрепить коренных жителей на включенных волевым решением в состав Казахстана северных территориях, где казахское население составляло подавляющее меньшинство, грозила закончиться неудачей. Практика показала, что жители аула не желали расставаться с традиционным кочевым образом жизни, не хотели, да и не умели работать на земле. По мнению республиканского руководства, главная причина этого заключалась в господствующих в казахском ауле патриархально-родовых отношениях, которые не позволяли основной массе крестьянства изменить традиционный уклад жизни и характер производственной деятельности. Таким образом, передел сенокосных и пахотных угодий так же, как и конфискация «байских» хозяйств, были инспирированы самим республиканским руководством и направлены не против аула в целом, а главным образом против традиционного уклада казахов.

Начало передела сенокосов и пастбищ в казахском ауле было положено постановлением ЦИК и СНК Казахстана «О распределении сенокосных и пахотных угодий кочевых и полукочевых районов в неземлеустроенных землепользованиях» от 20 мая 1926 г. [17, с. 25]. Постановление ставило задачу до проведения сплошного землеустройства «обязательно и немедленно приступить к уравнительному распределению» сенокосных и пахотных угодий между хозяйственными аулами и отдельными хозяйствами. Распределение сенокосных и пахотных угодий проводилось по числу едоков (в отдельных случаях – по дворам). Право получить сенокос предоставлялось всем группам, приписанным к определенному аулу. Декрет устанавливал порядок переделов: сенокосы могли перераспределяться ежегодно, пашня – через каждые девять лет в соответствии со ст. 121 «Земельного кодекса КАСССР» [11, с. 43-44].

Непосредственное руководство переделом сенокосных и пахотных угодий осуществлялось «рабочими тройками», состоящими из представителя аулсовета, представителя союза бедноты – «Кошчи», а также выборного представителя от трудящихся аула. Постановление обязывало придерживаться «классовой линии» и при распределении сенокосных и пахотных угодий предоставлять преимущественное право «беднякам». Так как бедняки не имели возможности собственными силами освоить отведенный им в результате передела земельный надел вследствие отсутствия у них необходимых для этого средств производства, они получали право сдавать часть своих

земель в аренду. Зажиточные хозяйства аулов также получали землю в пределах трудовой нормы, хотя их экономические возможности позволяли обработать гораздо больше [Там же, с. 44-45]. Передел сенокосных угодий происходил весной 1926 г., а пахотных – осенью 1927 г. и частично весной 1928 г. Проведение передела было сопряжено с рядом трудностей. Так, например, не существовало точного учета угодий, не были установлены единые меры измерений. Наиболее распространенной мерой являлась десятина. Часто замеры производились примитивными способами – мерили шагами, оборотом колеса, арканом и т.д. Значительная часть угодий вообще не была учтена [Там же, с. 148]. Так как реформа проводилась «сверху», она не встретила широкой поддержки крестьянских масс аула. Бедняки нередко защищали баев. Надежды, возлагаемые на союз «Кошчи», не оправдались. Были случаи, когда бедняки отказывались от полагавшихся им покосов и пахотных угодий, мотивируя это тем, что они не в состоянии их освоить собственными силами из-за отсутствия у них тягла и инвентаря.

Передел угодий был обусловлен не экономической целесообразностью, а имел ярко выраженную социальную направленность и был проведен в интересах экономически слабых групп казахского населения, землепользование которых значительно увеличилось за счет передачи им земель, ранее принадлежавших более зажиточным слоям аула.

Вместе с тем следует отметить, что в процессе передела пострадало и немалое число середняцких хозяйств. Известный в 1920-х гг. экономист В. К. Рябokonь писал: «Как декрет о переделе, так и наша агитация строились на том, что интересы середняка не будут затронуты, между тем на практике передела эти интересы были, несомненно, затронуты. В связи с этим получились своеобразные “ножницы” между политикой и практикой, приведшие к колебаниям и неуверенности в отношении середняка к советской власти» [16, с. 63].

В конце 1927 – начале 1928 г. республиканским руководством был разработан проект закона о «конфискации хозяйств крупных баев-“полуфеодалов”». 15 августа 1928 г. Казкрайкомом была создана комиссия под председательством Е. Ерназарова, в которую вошли известные партийные функционеры: У. Джандосов, У. Исаев, Н. Нурмаков и др. Решение о «конфискации» скота и имущества этой группы хозяйств было принято на заседании ЦИК и СНК республики 27 августа 1928 г. Согласно постановлению, «конфискации» с последующим выселением из районов прежней хозяйственной деятельности подлежали хозяйства, имевшие свыше 400 голов скота (в переводе на крупный) в кочевых районах, более 300 - в полукочевых и свыше 150 - в оседлых [17, с. 61].

Конфискованные у «баев» имущество и скот должны были передаваться в большей своей части (60-70%) бедняцким хозяйствам аула. Наиболее организованные хозяйства выселяемых скотоводов было решено преобразовать в колхозы с вовлечением в эти хозяйства работающих в них бедняков и батраков. Остальную часть конфискованного скота и имущества предполагалось передать уже существующим колхозам и совхозам, а ценный племенной скот – государственным племенным хозяйствам и местным сельскохозяйственным учебным заведениям [16, с. 65].

Социальной базой для реализации намеченных экспроприаций являлись маргинальные слои крестьянства. Чтобы привлечь на свою сторону указанные социальные группы, ЦИК и СНК республики заявляли, что все непогашенные к моменту опубликования постановления ЦИК и СНК КАССР о выселении и конфискации, долговые и иные обязательства батраков и бедноты лицам, подлежащим выселению, аннулируются [Там же, с. 74]. В аулах для проведения конфискации и переселения байских хозяйств создавались специальные «комиссии содействия», избравшиеся на общих собраниях бедноты и батраков в количестве от 15 до 25 человек [Там же, с. 75].

Публикация закона о «конфискации» вызвала усиленное дробление байских хозяйств. Хозяйства, имевшие большие стада скота, стремились сократить их численность путем продажи или передачи родственникам. В ряде районов Казахстана начались массовая распродажа и убой скота [2, д. 2064, л. 8]. Паника охватывала не только байские, но и прочие хозяйства аула. К моменту проведения «конфискации» количество скота в байских хозяйствах резко сократилось. Согласно данным Акмолинского окружного исполнительного комитета в хозяйствах, подлежащих «конфискации» за 11 месяцев, прошедших с момента предварительного учета скота, проведенного 1 января 1928 г., до его «конфискации», осуществленной в округе в конце ноября 1928 г., численность скота сократилась с 12 142 до 8 829 голов [Там же, л. 9]. Однако при проведении реформы все разделы скота и имущества, а также изменения в составе семьи, произошедшие после 1 января 1928 г., были признаны недействительными [17, с. 64].

В общей сложности «конфискации» подверглись 608 байских хозяйств, у которых было изъято более 125 тысяч голов скота, который подлежал распределению между индивидуальными хозяйствами, колхозами и совхозами [11, с. 215-216]. В общей сложности было распределено (в переводе на крупный) 78 221 голова скота. При этом 47 836 голов скота было распределено между 14 205 индивидуальными хозяйствами, 16 354 голов – было передано колхозам, 1 703 – совхозам, 12 328 – пошло на «обеспечение» трудовой нормы бывшим «байским» хозяйствам. Оставшийся скот пошел на уплату «налогов и расчет с батраками» [Там же, с. 217].

В индивидуальных хозяйствах «конфискованный» скот, согласно инструкции ЦИК и СНК КАССР от 30 августа 1928 г., распределялся следующим образом: в оседлых районах бесскотные хозяйства получали по 1 голове скота на члена семьи, но не более 5 голов (в переводе на крупный) на хозяйство; в полукочевых – 2 головы на члена семьи, но не более 8 голов на хозяйство; в кочевых – по 3 головы на члена семьи, но не более 12 голов на хозяйство. Хозяйства, имевшие менее 5 голов скота в оседлых районах, менее 8 голов – в полукочевых и менее 12 голов – в кочевых, дополучали конфискованным скотом в пределах указанных норм [17, с. 76]. Подвергшиеся конфискации хозяйства подлежали переселению из мест их хозяйственной

деятельности в другие районы Казахстана. Эти районы были определены специальным постановлением СНК КАССР от 27 августа 1928 г.: из Павлодарского и Петропавловского округов бывшие байские хозяйства выселялись в Актюбинский округ, из Акмолинского округа – в Гурьевский, из Кустанайского – в Семипалатинский округ и т.д. [2, д. 2404, л. 16].

В этой связи, сформировавшееся в современной казахстанской историографии представление о «катастрофических последствиях конфискации для всего казахского народа» выглядит, на наш взгляд, явно надуманным [10, с. 304]. Судя потому, что стада именно разукрупнились, как раз большая часть казахского аула отнюдь не пострадала, а напротив лишь выиграла от «конфискации». Вместе с тем каких-либо иных критериев, кроме численности скота в хозяйстве, для определения социальной принадлежности крупного скотоводческого хозяйства не существовало. Под экспроприацию, наряду с хозяйствами, занятыми традиционным экстенсивным кочевым и полукочевым скотоводством, попадали также крупные скотоводы, ведущие свое хозяйство с ориентацией на рынок. Если учесть, что по данным обследования 1928 г. зажиточные хозяйства, составлявшие 6,1% от общего числа крестьянских хозяйств аула, производили 28,6% валовой и 46,4% товарной продукции, то нетрудно догадаться, что конфискация части этих хозяйств в целом отрицательно сказалась на экономическом развитии аула [5, с. 134].

«Конфискация» также вряд ли имела то значение для нивелировки социальных групп аула и повышения экономического уровня бедняцких хозяйств, какое ей приписывалось в советской историографии [4, с. 33-35]. Желаемая цель достигнута не была. Многие нерадивые бедняки, внезапно разбогатев, не знали, как распорядиться своим богатством. К тому же хозяйства, получившие конфискованный скот, опасаясь возвращения его законных владельцев или притязаний их родственников, нередко стремились от него скорее избавиться. Чаще всего скот продавали, либо просто-напросто забивали. Поэтому действительные масштабы улучшения экономического положения бедноты в результате передачи ей части конфискованного скота были в значительной степени меньше тех, что вошли в официальные отчеты об итогах «конфискации».

Немаловажно, на наш взгляд, отметить также то, что передел сенокосных и пахотных угодий и конфискация байских хозяйств были осуществлены в Казахстане накануне «великого перелома». Поэтому неудивительно, что резкое изменение курса, произошедшее в конце 1929 г. в аграрном секторе, выразившееся в переходе к форсированной коллективизации, в условиях Казахстана попало на благодатную почву, так как казалось логическим продолжением социально-экономической политики, проводившейся с конца 1927 – начала 1928 г., и было практически безоговорочно поддержано партийно-советским руководством республики.

Список литературы

1. **Айтенова Б. К.** Современная историография Казахстана о проблемах российской колонизации и национально-освободительного движения в казахской степи: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 22 с.
2. **Архив Президента Республики Казахстан (АПРК).** Ф. 141. Оп. 1.
3. **Баишев С. Б.** Победа социализма в Казахстане: очерки по теории и истории вопроса. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 326 с.
4. **Дахшлейгер Г. Ф.** К вопросу о характере аграрных преобразований в казахском ауле // История СССР. 1961. № 6. С. 13–37.
5. **Дахшлейгер Г. Ф., Нурпеисов К.** История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. Т. 1. 247 с.
6. **Жакишева С. А.** Бай–«полуфеодалы» в Казахстане на рубеже 20-30-х гг. XX в.: историко-источниковедческий анализ проблемы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 1996. 30 с.
7. **Жакупова Г. Т.** Разрушение аграрной традиционной структуры Казахстана (20-е гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 30 с.
8. **Ибрагимов Г. Е.** Освоение земельных ресурсов Казахстана и землеустройство казахского населения: теория и практические подходы (первая треть XX века): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 1999. 30 с.
9. **Козлов А. П.** Аграрные преобразования в Казахстане в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 116–119.
10. **Козыбаев М. К.** История Казахстана с древнейших времен до наших дней: очерк. Алматы: Дзуир, 1993. 416 с.
11. **Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 - июнь 1941 г.):** документы и материалы / под ред. А. Б. Турсунбаева. Алма-Ата: Казахстан, 1967. Ч. 1. 576 с.
12. **Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана эпохи социализма.** Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1958. 504 с.
13. **Проблемы аграрной истории советского общества:** материалы научной конференции / под ред. М. П. Кима, Ю. С. Борисова и др. М.: Наука, 1971. 368 с.
14. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 17. Оп. 25.
15. **РГАСПИ.** Ф. 17. Оп. 167.
16. **Рябоконе В. К.** Уроки передела (к вопросу о некоторых итогах кампании по переделу сенокосных и пахотных угодий в Казахстане) // За партию. Ташкент, 1927. № 3. С. 63–77.
17. **Систематическое собрание законов Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, действующих на 1 января 1930 г. (6 октября 1920 - 31 декабря 1929 г.).** Алма-Ата: Издание Управления делами СНК КАССР, 1930. 224 с.
18. **Сыдыков Е. Б.** Казахстан в составе Российской Федерации (1917-1937 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Алматы, 1999. 46 с.
19. **Турлыгул Т., Жолдасбаев С., Кожакеева Л.** История Казахстана (важнейшие периоды и научные проблемы). Алматы: Мектеп, 2007. 176 с.
20. **Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК).** Ф. 74. Оп. 4.
21. **Шалабаева Г. К.** Казахстан: от древних цивилизаций до современности: учеб. пособие. Алматы: Экономика, 2007. 258 с.

SOCIAL-ECONOMIC TRANSFORMATIONS IN KAZAKH PRE-KOLKHOZ AUL OF THE SECOND HALF OF THE 1920S

Aleksandr Petrovich Kozlov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
St. Petersburg State University of Service and Economics
petrovich138@yandex.ru

The author considers the social-economic transformations undertaken in the Kazakh aul during the second half of the 1920s and their influence on the transformation of the Kazakhs' traditional way of life, pays special attention to the analysis of the reasons that conditioned the reforms, and tells that the reforms, which main purpose was the egalitarian redistribution of hayfields and pastures in the aul and the confiscation of large bai farms, were not the pre-planned action of the soviet power, and became the logical continuation of the land use policy of the republican leadership, aimed at land resources redistribution for the benefit of the republic indigenous population.

Key words and phrases: agrarian policy; aul; bai; nomadic cattle-breeding; traditional economy.

УДК 34

Юридические науки

Статья посвящена изучению одного из признаков обычая как источника российского права – его санкционированию государством – и раскрывает понятие санкционирования, существующие в научной литературе точки зрения на смысл и значение санкционирования, выделяет цели санкционирования обычаев. Рассматривая способы санкционирования обычаев, автор акцентирует внимание на государственном санкционировании, его дифференциации на законодательное, правоприменительное, ведомственное, договорное и молчаливое.

Ключевые слова и фразы: обычай; обычай делового оборота; санкционирование; государственное санкционирование; законодательное санкционирование; прямое санкционирование; молчаливое санкционирование.

Валерия Николаевна Козлова

Кафедра гражданского права и процесса
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
kozlovavn@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ САНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЫЧАЕВ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ®

Одним из основных источников российского права являются правовые обычаи, под которыми понимает-ся сложившееся и широко применяемое правило поведения в какой-либо области общественных отношений, не предусмотренное законодательством и, как правило, нигде не зафиксированное.

Изучение истории законодательного регулирования позволяет сделать вывод о том, что обычаи оказали большое влияние на формирование основных правовых норм: именно обычаи легли в основу первых нормативных правовых актов. Последние формализовали обычаи, а ранние кодификации систематизировали их. Позднее закон вытеснил обычное право, став господствующей формой [8, с. 117-121], однако немало современных явлений преимущественно в сфере частного (гражданского) права имеют «обычное происхождение» [10, с. 20-24, 36-37].

В России утрата значимости обычного-правового регулирования наблюдалась в советское время, однако в конце XX века, с принятием части первой Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), Семейного кодекса РФ, иных федеральных законов, была признана необходимость учета обычных норм в отдельных сферах общественной жизни (гражданские – предпринимательские, семейные отношения и др.).

Рассматривая обычай российского права как форму права в Российской Федерации, нельзя обойти вниманием вопрос, касающийся санкционирования обычая. По мнению ряда ученых, именно таким путем обычай обретает статус формы права.

В юридической литературе можно встретить четыре различных взгляда на смысл санкционирования: а) санкционирование как одобрение государством; б) санкционирование как признание государством; в) санкционирование как обеспечение соблюдения обычая принудительной силой государства; г) санкционирование как закрепление со стороны государства.

Применительно к обычаю как источнику права можно сказать, что санкционирование – это признание государством какого-либо обычного правила, при котором обычай приобретает правовые качества, сохраняя общественные начала.

В качестве целей санкционирования обычаев можно выделить следующие.

1. Создание условий для применения обычной нормы на практике.

Условием для применения обычая является признание его государством. Вместе с тем возможны ситуации, когда государство реализует меры, направленные на искоренение какой-либо обычной нормы. Так,